

Пономаренко Елена Владимировна

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЮЖНОУРАЛЬСКОЙ ЖИЛОЙ АРХИТЕКТУРЫ XVIII-XIX ВЕКОВ

В данной статье рассмотрены особенности жилища основных этнических групп населения Южного Урала XVIII - первой половины XIX в. Проведен анализ национальных архитектурных традиций и их воплощения в конкретных сооружениях по материалам воспоминаний очевидцев и архивных изысканий. Выявлены основные типы переносных и стационарных жилищ по материалу, планировочной композиции и планировке территории усадьбы, а также характерные черты устройства интерьера национальных жилищ этнических групп.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/6-2/38.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 153-156. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

SYNCHRONOUS DYNAMIC OF PRISON-THIEVISH SUBCULTURE MYTHOLOGY

Evgenii Vladimirovich Pis'mennyi
Department of International Relations
Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts
pismennyiev@chelcom.ru

The author presents the analysis of the situational synchronous dynamic of prison-thievish subculture mythology formed by penitentiary space rigid conditions, and substantiates that this type of dynamic is expressed in the genesis of variative mythological models presented by folk forms, and polymorphous mythological constructs.

Key words and phrases: penitentiary space; prison-thievish subculture; subcultural myth; mythologization; myth dynamics; prison folklore; subcultural argot; polymorphism.

УДК 72.03(09)(086.6)

В данной статье рассмотрены особенности жилища основных этнических групп населения Южного Урала XVIII – первой половины XIX в. Проведен анализ национальных архитектурных традиций и их воплощения в конкретных сооружениях по материалам воспоминаний очевидцев и архивных изысканий. Выявлены основные типы переносных и стационарных жилищ по материалу, планировочной композиции и планировке территории усадьбы, а также характерные черты устройства интерьера национальных жилищ этнических групп.

Ключевые слова и фразы: переносные типы жилища; временные и постоянные жилища; жилища башкир и татар; усадьбы марийцев, удмуртов и чувашей; жилые сооружения мордвы и русских; образцовые проекты жилых зданий.

Елена Владимировна Пономаренко, доктор архитектуры, доцент
Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства
Российская академия архитектуры и строительных наук
evron@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЮЖНОУРАЛЬСКОЙ ЖИЛОЙ АРХИТЕКТУРЫ XVIII-XIX ВЕКОВ®

История формирования жилой застройки южноуральских поселений XVIII и большей части XIX века определялась традициями этнических групп населения региона. Эта застройка сочетала многочисленные типы зданий. Принудительное переселение на Южный Урал казаков и крестьян из разных губерний привело к переплетению своеобразных элементов архитектурной культуры часто очень удаленных друг от друга частей России. Эти традиции смешивались с башкирскими. Поэтому в одном поселке можно было встретить и крытые тесом дворы древненовгородского типа с резными наличниками и крышей с резьбой, и южнорусские мазанки.

У кочевых башкир – основного населения края до русской колонизации – были распространены следующие типы переносных и летних жилищ: шалаш, юрта (кибитка), аласык и балаган. Конусообразный шалаш состоял из десяти-двенадцати жердей, воткнутых в землю и связанных вверху. Материал покрытия мог быть разным: трава и сено, солома, хворост, еловые ветки, кора. Внутри шалаша земля покрывалась корой, расстилались половики и тряпье. Помимо кочевьев, шалаша строили и в деревнях, но назначение их было не везде одинаково. Шалаша ставили во дворах и использовали как летнее жилье, как навес над погребом или как летнюю кухню.

Другой тип переносного жилья башкир – решетчатая юрта (кибитка, тэрма). Интерьер юрты имел два центра. Первый центр – очаг, другой своеобразной точкой отсчета внутреннего пространства было место напротив входа, считавшееся наиболее престижным. Там обычно раскладывали на подставке высокую гору разноцветных подушек, узорных войлоков. Внутри юрта разделялась на две части занавеской. Правая от двери часть предназначалась для женщин, большая часть – мужская – служила для приема гостей. Земля устилалась кошмами, половиками, камышовыми циновками. В XIX в. В. М. Черемшанский еще отмечал наличие посреди юрты очага, для которого делалось углубление в земле [5, с. 146]. Позднее очаг в юрте устраивать перестали.

В зимних поселениях существовали простые надворные постройки для скота. «Зимой, когда уже выпадает глубокий снег, для скота своего подле зимней юрты делают небольшие задворки, калды называемые, следующим образом. Ставят 4 столба, между которыми пространство хитят сучьями и колками, а щели затыкают сеном, хворостом и тростником; покрывают их жердями, на который наметывают также хворост» [1, с. 237-238].

Распространены были у башкир и временные жилища прямоугольной формы, например балаганы (аласык). Аласык мог быть стационарным или переносным. Переносной аласык состоял из четырех лубковых

полотнищ, из которых делался балаган. Остов постоянного аласык состоял из вбитых в землю четырех угловых кольев и нескольких промежуточных кольев. Колья поперечных стенок заканчивались вверху развилками, на которые укладывались продольные жерди, поддерживающие крышу. Аласык имел дверь и не имел окон. Внутри не было ни очага, ни нар. Еще один тип временного жилища – срубчатый балаган (бурама). Это четырехугольный сруб из тонких бревен с двускатной крышей. Дверь была одностворчатая, окна отсутствовали. Внутри у дальней стены устраивались нары, а в переднем углу – очаг.

Среди постоянных жилищ наиболее примитивной была пластовая изба-полужемлянка. Она встречалась у всех этнических групп населения Южного Урала, особенно в степной части региона, где не было леса. Для пластовой избы делался котлован глубиной на 20-40 см, а сверху котлована возводились стены из пластов дерна. Вверху несколько рядов жердей поддерживали настил из хвороста, камыша или бересты, закрытый дерном. Внутри стены обмазывались глиной, глинобитным устраивался и пол. Ближе к двери располагался очаг для приготовления пищи. У противоположной от двери стены находились нары. Долгое время землянки были распространены у разных этнических групп Южного Урала для хозяйственных сооружений. Аналогично пластовым жилищам было устройство саманных изб – из сырцовых кирпичей. В степной зоне Южного Урала и в настоящее время встречаются глинобитные и саманные жилые постройки, сохранившиеся с середины XIX в. Например, хозяйственная постройка в селе Подгорном Троицкого района Челябинской области, глинобитная изба и надворные строения в станице Лейпциг.

В районах, богатых камнем-плитняком, строили избы из этого материала аналогичной конструкции. Камни неправильной формы скреплялись между собой глиной. Каменные избы были, как правило, небольшие, имели одно окно и дверь. Во многих селах во всех районах Южного Урала сохранились хозяйственные постройки из плитняка. Например, в селе Губернском Челябинской области.

В безлесной полосе были широко распространены плетневые избы, которые встречались из одинарного или из двойного плетня. По периметру квадрата в землю вбивался ряд кольев, которые переплетались лозой или ветвями березы. Снаружи и внутри стена обмазывалась толстым слоем глины. В двойном плетне пространство заполнялось землей. Оба плетня соединялись между собой. Наиболее распространенным типом постоянного жилища были бревенчатые избы. Они встречались как примитивные, так и со сложной конструкцией и архитектурой. В этом типе жилища как в композиции, так и в декоре наблюдается наиболее выраженное разнообразие этнических традиций. У первых переселенцев дома были двухкамерными (избасени) или даже однокамерными, сооружались из крупных, до полуметра в диаметре, лиственничных или сосновых бревен. Постепенно усложнялась планировка домов: появилась «изба-связь» (две избы через сени), «пятистенки» (сени, изба, горница), «шестистенки», дома углом (Г-образные), крестовый дом и другие.

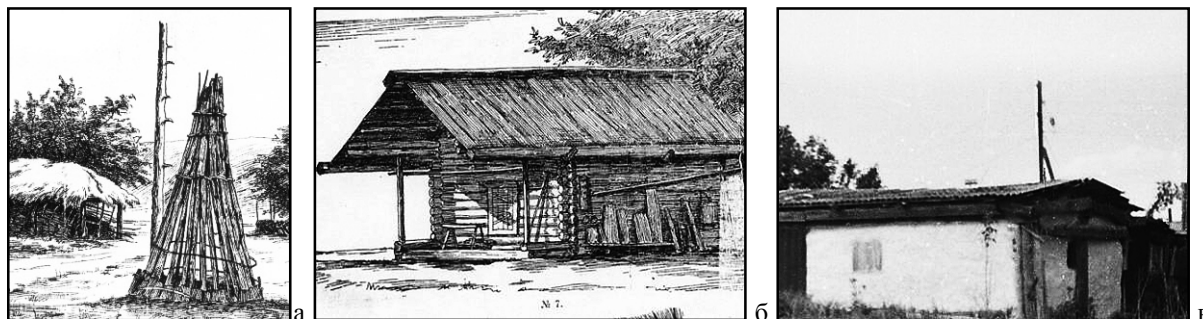

Рис. 1. Постройки южноуральских этнических групп:
а – кочевье башкир; б – кудо; в – саманный дом (поселок Подгорный)

Постоянное жилище башкир имело такую же структуру, как и юрта. Дом делился на две части занавесью – шаршау. Между отделениями башкирской избы не было сообщения, имелись разные входы снаружи. Подпольная часть изб у них никогда не использовалась для погребов. И. И. Лепехин описывал особенности интерьера башкирской избы начала XIX в.: «Вместо печи сделан у них камин, наподобие полуцилиндра, а труба составлена из жердей, обмазанных внутри глиною. От сего камина, который на их языке чувал называется, имеют свою теплоту. Против камина ставится у них всегда самое лучшее их сокровище – Ейрян. Ейрян сей держат они в шестигранном турсунке или мешке, сделанном из копченой коровьей или коневой кожи и вверху сведенном наподобие голенища. Сей мешок каждое утро и каждый вечер наполняют свежим надоенным молоком и, налив оное, болтают через несколько минут с простоквашею, которая всегда в турсунке находится, дабы свежее молоко со старым смешалось и закисло» [Там же, с. 230-231].

В большой степени на башкирские традиционные деревянные дома были похожи дома татарские. Это подтверждает В. М. Черемшанский, изучавший Оренбургскую губернию в середине XIX в.: «Дом зажиточного татарина обыкновенно состоит из двух жилых изб, между которыми ставятся глухие сени, – к сеням примыкает высокое крыльцо, покрытое тесом, а с боков открытое. Одна из жилых изб занимает место кухни, и в ней живут постоянно, другая, содержащаяся в чистоте и опрятности, служит более для приема гостей и спальнею самого домохозяина, – в ней заметна уже некоторая роскошь, – впереди, например, на нарах –

разостланы ковры, набросаны перины, комната разделяется ситцевой или пестрядиной домашней работы занавесью, за которой обыкновенно прячется женский пол» [5, с. 170].

Значительным своеобразием отличались планировка усадеб, устройство изб и интерьер у черемисов (марийцев) и у вотяков (удмуртов), что объяснялось сохранившимися древними верованиями и бытовыми традициями. Планировка дома «связью» была характерна для черемисов. Их дома строились без сеней, для перехода из одной избы в другую устраивался помост.

В усадьбе черемисов все строения были отдельно стоящими. Во дворе находились кудо, клеть и коровник. Функции строения, называемого «кудо», не ограничивались хозяйственными нуждами. По черемиским преданиям там проживал «дух дома», которому следовало приносить «жертвы» в виде еды.

Архитектурные традиции удмуртов (вотяков) на Южном Урале очень напоминали черемисские. Особенностью являлась традиция особого устройства очага в избе. Планировка вотякской усадьбы, так же как и у черемисов, отличалась отдельно стоящими постройками и наличием летнего помещения. Здесь мы снова встречаемся с традицией возведения домашнего «храма». Подобно черемисскому кудо, вотякская куа имела значение не только жилья, но и храма. Здесь обитало домовое божество – воршуд, здесь приносятся ему жертвы и молитвы.

Уровень жизни чувашей в Оренбургской губернии XIX веке был сравнительно низким, поэтому у них часто отмечают наличие только одной небольшой избы. В интерьере ее вдоль передней стены устраивается саган или подмости – высота от пола составляла аршин, а ширина – аршина два с половиной. Сбоку печи вмазывается котел, который летом вынимается и привешивается в отдельно стоящей летней столовой. В боковых стенах изб прорубалось одно или два маленьких волоковых окна. Архитектурно-строительные традиции мордвы наиболее близки русским. Тем не менее в старых деревнях сохранялся обычай ставить дома главным фасадом во двор [2].

В целом значительно различался интерьер домов мусульманских и немусульманских этнических групп. В мусульманских избах устраивались нары, которые закрывались коврами и войлоками. На этих нарах ели и спали. На стенах развешивались цветные полотенца и оружие. Изба разделялась цветной занавеской на мужскую и женскую половины. Печь в мусульманских избах примыкала к стене одной задней стороной, а иногда вовсе не примыкала. Поэтому в них было теплее, чем в русских.

В немусульманских избах ставились лавки, столы, стулья, размещались полаты и полки. Освещались дома лучинами и жировыми светильниками. В интерьере русских изб находились: по одну сторону двери – печь, от нее по другой стороне – вверх полаты, а под ними кутник (подмар); к переднему углу с двух смежных сторон шли лавки, параллельно им над окнами располагались полки (палиты); в переднем углу божница с несколькими образами; около топки печи – к стене – устраивался залавок для кухонных и столовых принадлежностей. К боковой стороне печи (около двери) сооружался голбец (казенка), внутри которой устраивался ход в подполье.

Еще один вид застройки крупных сел, особенно заводских, возник в связи с законодательным введением «образцовых» проектов жилья. Для многих заводских сел составлялись проекты общественных зданий одновременно с проектами для заводов [4]. Госпиталь в деревне Тургоякской Златоустовских заводов внешне напоминал крестьянскую усадьбу с внутренним двором, домом с мезонином и службами. Дом и хозяйственные постройки были срубной конструкции. Территория была отгорожена забором с воротами, также напоминающими крестьянские. Основной дом госпиталя имел Г-образную форму в плане с широким крыльцом с внутреннего двора, был перекрыт вальмовой крышей [3, д. 22, л. 22].

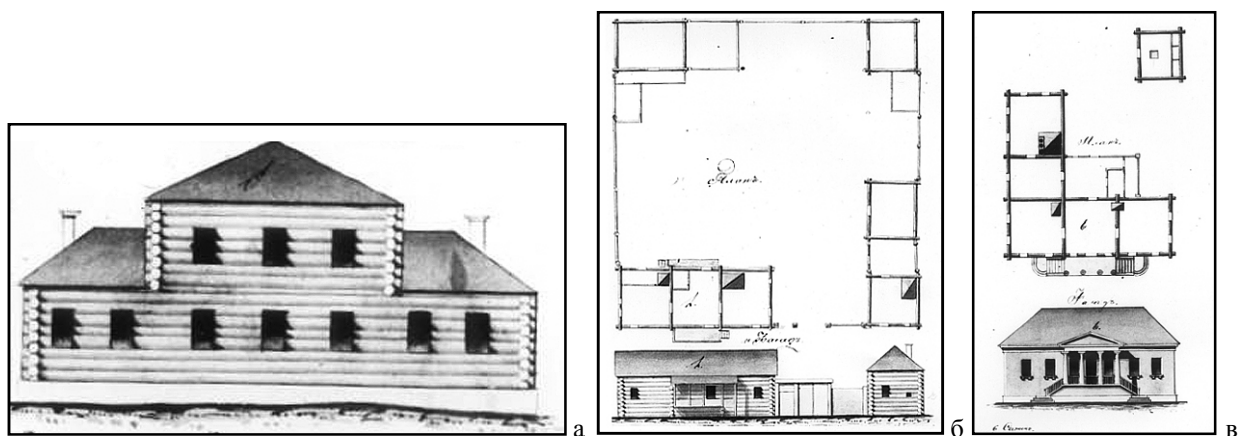

Рис. 2. Проекты зданий заводских сел:

а – госпиталь; б – казенный дом (д. Тургоякская); в – госпиталь (д. Сыростанская)

Казенный дом в деревне Сыростанской Златоустовских заводов был решен в традициях классицизма. Он представлял собой одноэтажное здание с вальмовой крышей. Выразительность фасаду придавал дорический четырехколонный портик с фронтоном в центре. Большие прямоугольные окна были декорированы на фасаде выступающей подоконной доской на двух кронштейнах. Ворота усадьбы решались как триумфальный вход с четырьмя дорическими пилястрами и со ступенчатым аттиком. Более парадно был решен главный фасад казенного госпиталя в той же деревне. Классический дорический портик фасада дополнялся высоким крыльцом

с лестницей, имевшей встречные марши [Там же, л. 21]. Каменный казенный дом в деревне Кувашиной Златоустовских заводов представлял собой усадьбу с одним большим внутренним двором. Главное здание – Г-образное в плане – было решено в стиле классицизма. Вся композиция выглядела несколько надуманно для такого небольшого сооружения [Там же, л. 20]. С другой стороны, казенный дом в деревне Веселовской Златоустовских заводов был спроектирован по типу крестьянской усадьбы с двумя внутренними дворами. Строения бревенчатые, ограждение двора также из бревен. Дом по планировке – типичная изба со связью [Там же, л. 24].

Таким образом, жилая архитектура сел Южного Урала в XVIII – первой половине XIX века отличалась значительным разнообразием. Тенденции ее развития определялись многонациональностью населения региона и централизованным введением образцовой классической застройки.

Список литературы

1. Лепехин И. И. Записки путешествия академика Ивана Лепехина. СПб.: Императ. акад. наук, 1821. 423 с.
2. Романова М. Н., Щанкина Л. Н. Планировка и внутреннее обустройство жилища мордвы Республики Мордовия и Дальнего Востока // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. Ч. 1. С. 148-152.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 63 П.
4. Чагин Г. Н. Архитектурный облик слободы Невьянского завода начала XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. Ч. 1. С. 187-189.
5. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии. Уфа: Губ. тип., 1859. 406 с.

NATIONAL TRADITIONS IN SOUTHERN URAL RESIDENTIAL ARCHITECTURE FORMATION OF THE XVIIITH-XIXTH CENTURIES

Elena Vladimirovna Ponomarenko, Doctor in Architecture, Associate Professor
Scientific-Research Institute of Architecture and Urban Planning Theory and History
Russian Academy of Architecture and Building Sciences
evpon@mail.ru

The author considers the features of the main ethnic groups' dwellings in Southern Ural of the XVIIIth – the first half of the XIXth century, conducts the analysis of national architectural traditions and their embodiment in concrete structures basing on eyewitnesses' recollections and archival researches, and reveals portable and stationary dwellings main types by material, planning layout and farmstead territory planning, as well as the peculiarities of the interior organization of ethnic groups' national dwellings.

Key words and phrases: portable dwelling types; temporary and permanent dwellings; Bashkirs and Tatars' dwellings; Mari, Udmurt and Chuvash farmsteads; Mordovians and Russians' residential constructions; exemplary projects of residential buildings.

УДК 17.031

Статья посвящена анализу понятия зла в философии Канта. Немецкий мыслитель считает, что любой человек изначально склонен к принятию зла по своей природе. Главную причину зла Кант находит в таком расположении к нему, которое заложено в каждом человеке как свободном субъекте всех морально злых максим. Эта свобода выражает высшую человеческую природу, определяемую такой деятельностью нашего практического разума, руководствуясь которой мы избираем для себя всеобщий закон добра или противоположные ему максимы зла.

Ключевые слова и фразы: понятие зла; свобода; человек как субъект всех злых максим; практический разум; всеобщий закон добра.

Иван Алексеевич Протопопов, к. филос. н, доцент
Кафедра философии и культурологии
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
stiff72@mail.ru

ПОНЯТИЕ СВОБОДЫ И ИЗНАЧАЛЬНАЯ СКЛОННОСТЬ КО ЗЛУ В ФИЛОСОФИИ КАНТА[©]

Как вообще возможно зло, и почему оно так укрепилось в человеческой природе, если нравственный закон необходимым образом определяет нашу свободную волю? Заключается ли принцип зла только в том, что мы следуем, в противоположность нравственному долгу, нашим чувственным желаниям, которые определяют нас извне, и теряем при этом свою умопостигаемую свободу? Эти важнейшие вопросы Кант в поздний период рассматривает уже под совершенно иным углом, нежели чем в «Критике практического